

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX В. КАК УМИРАЮЩЕЕ МЕСТО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.А. Мининков

Аннотация. Столетие революционных событий в России дает основание поставить вопрос о месте этих событий в исторической памяти советского и современного российского общества. На протяжении века место их в исторической памяти менялось самым существенным образом. Советская власть делала все возможное, чтобы закрепить в памяти народа революцию как великое и эпохальное событие, открывшее путь в светлое будущее человечества. Разоблачение сталинского культа на XX съезде КПСС создавало предпосылки для подрыва в исторической памяти сложившейся версии революции. Серьезный удар по исторической памяти о революции нанесла Третья программа КПСС с ее утопическим положением о построении материально-технической базы коммунизма в СССР. Образ революции в исторической памяти советского общества стал в таких условиях уступать место в исторической памяти советского народа образу Победы, которую с 1965 г. стали очень торжественно отмечать. Демократические перемены в СССР и крах коммунистического режима давали основание для переосмысления сущности и характера революционных событий. Эти события постепенно стираются из исторической памяти современного российского общества.

Ключевые слова: революция в России, историческая память, формирование исторической памяти, забвение.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, mininkov@aaanet.ru.

REVOLUTION IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AS A DYING PLACE OF HISTORICAL MEMORY

N.A. Mininkov

Abstract. The centenary of the revolutionary events in Russia gives rise to the question of the place of these events in the historical memory of Soviet and modern Russian societies. Over the course of a century, their place in historical memory has changed in the most significant way. The Soviet government did everything possible to fix the revolution in the memory of the people as a great and epoch-making event that opened the way to a bright future for humanity. The exposure of the Stalinist cult at the twentieth Congress of the CPSU created prerequisites for undermining the historical memory of the current version of the revolution. A serious blow to the historical memory of the revolution was caused by the third program of the CPSU with its utopian position on the construction of the material and technical base of communism in the USSR. In such circumstances, the image of the revolution in the historical memory of the Soviet society began to give way to the image of the Victory, which was very solemnly celebrated in 1965. The democratic changes in the USSR and the collapse of the Communist regime provided a basis for rethinking the essence and nature of revolutionary events. They are gradually erased from the historical memory of modern Russian society.

Keywords: revolution in Russia, historical memory, formation of historical memory, oblivion.

Столетие революционных событий в нашей стране дает повод обратиться к проблеме исторической памяти — относительно новой большой проблеме исторической науки. С ней связано вскрытие механизмов этого явления, благодаря которым в исторической памяти формируются образы и сюжеты прошлого, а также происходят процессы забвения, т.е. деконструкции прежней памяти при складывании новых ее основ. На примере образов и сюжетов революционных событий и образов деятелей революции вековой давности как очень крупного события, выходящего за рамки национальной истории и ставшего на уровень явления мирового значения, это очень показательно. К тому же сотня лет — с исторической точки зрения достаточно большой срок, чтобы сделать определенные наблюдения за этим явлением и подвести какие-то итоги. Это означает постановку вопросов о процессах формирования основ этой памяти, о воздействии на память, об этапах в развитии исторической памяти о революции, о причинах и способах деконструкции прежней исторической памяти и формирования новой памяти.

Общее и четкое определение понятия исторической памяти давал выдающийся современный французский историк П. Нора. «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления», — писал он. Память, по его утверждению, не научна. В связи с этим она противостоит истории, поскольку «питается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям», тогда как история «взывает к анализу и критическому дискурсу». Еще одно отличие в том, что память «помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим». Память к тому же множественна, поскольку «существует столько же памятей, сколько и социальных групп». И в то же время она имеет прямую «связь с вечным настоящим» [Нора, 1999, с. 20]. Свою особую память имеют разные социальные структуры и разные политические течения. Они, по словам П. Нора, сформировали «свою форму исторической памяти» [Нора, 1999, с. 11].

Что касается процесса забвения, то сложность его психологических механизмов вскрывал другой современный французский мыслитель П. Рикёр. Одной из предпосылок, в результате которой включаются в действие механизмы забвения, были общественные изменения. Итог их он видел в том, что делались попытки переформирования памяти, возникала новая память, или «память, подвергнутая манипуляциям». Говоря о связи между механизмами забвения и «работой нарративной конфигурации» в выражениях исторической памяти, он отмечал: «Стратегии забывания непосредственно соотносятся с такой работой конфигурации: всегда можно рассказать по-другому, о чем-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия» [Рикёр, 2004,

с. 619]. Такие механизмы воздействия на историческую память с целью забвения определенного варианта памяти и формирования на месте прежней памяти — памяти новой вскрывал П. Рикёр. В этом проявлялись конкретные способы манипуляции исторической памятью, благодаря которой происходила замена старой памяти на новую.

Несомненно, что следует при этом учитывать сложность процесса забвения, на который оказывает воздействие не только индивидуальная и общественная психология, но и общая культурно-историческая ситуация времени, способствовавшая забвению. Одним из условий этого является смена поколений. Так, первое поколение, в сознании которого формируется память об историческом событии, явлении и процессе, поколение их участников, свидетелей и современников, передает память следующему поколению, которое не участвовало в событиях, не жило в это время, но слышало от старшего поколения живое повествование о них. Это поколение, в свою очередь, передает рассказы о значимых событиях и явлениях прошлого, которые оно слышало от родителей, уже следующему поколению. Такая память, основанная на прямых свидетельствах, передающаяся из поколения в поколение, может быть названа живой памятью [Мининкова, 2017, с. 17]. Однако живая историческая память — явление не только психологическое, но и неустойчивое. С уходом поколения участников и свидетелей она неизбежно слабеет. Несомненно, кроме того, что она не лишена своих мифов, которыми событие и явление обрастало уже в сознании его участников. Но, самое главное, она подвергалась мощному воздействию со стороны того, что было удачно характеризовано Л.Н. Мазур как «политика “сохранения памяти”» [Мазур, 2016, с. 252]. По существу это не просто сохранение, но переформирование ее в определенных интересах. Это может быть интерес государственной власти, но может быть интерес иных сил, общественных, в том числе противостоящих власти в идеологическом отношении.

Очевидно, что власть в этом отношении имеет преимущество, поскольку имеет широкие возможности для коммеморации, или формирования новой исторической памяти. В ее руках воздействие через сферу образования, учебные программы и учебные пособия, издание соответствующей литературы. Но таким образом на место живой исторической памяти постепенно становится память, иная по своему происхождению, которая может быть названа книжной и даже учебной. К этому может быть добавлена историческая память, которая формируется с использованием средств искусства, особенно живописи и кино, скульптуры и монументального искусства, музыки, музейных экспозиций, топонимики. Что касается идеологических оппонентов власти, то у них равнозначные издательские возможности и возможности воздействия на массовое сознание, или на формирование также книжной исторической памяти, могут быть сопоставимы с теми, которые имеют властные структуры, только в демократических обществах, в которых сменяемость власти стала обязательным элементом политической жизни. В ином случае возможности их по формированию исторической памяти, иной по сравнению с той, которые формирует государственная власть, несравненно ниже, а в некоторых случаях

подобные попытки могут стать поводом для преследований. Конечно же, в условиях, когда все большую роль в качестве источника информации и воздействия на сознание играет интернет, шансы оппозиционных сил на сопротивление власти в деле формирования исторической памяти существенно возрастают. Однако такое положение стало постепенно складываться в нашей стране только с начала нынешнего столетия. Но положение может измениться в условиях системного кризиса, когда власть теряет авторитет, когда ее идеологические усилия дают скорее обратный результат, что сказывается в том числе на неудаче в деле формирования варианта исторической памяти, необходимого ей.

Формирование книжной исторической памяти ведет не только к закреплению в ней определенного варианта прошлого. Оно ведет также к отходу на второй план отдельных сторон прошлого, которые не вписываются в создаваемый вариант памяти о прошлом, а постепенно к их забвению. Особенно способствуют этому некоторые другие, более поздние события, которые превзошли в сознании людей по своей значимости все, что было ранее, а также явления современной жизни, значимые для общества. Прежде всего к ним относятся кризисные явления, и тем более впадение общества и государства в полосу системного кризиса.

Вместе с тем кризисные явления могут способствовать не только забвению события, но даже, напротив, возрастанию к нему интереса. Это составляет другую тенденцию в истории определенной исторической памяти. Возникает это на почве кризиса официальной идеологии, с позиций которой в историческую память внедрялась определенная картина прошлого. В новых условиях такая память о прошлом вызывает все большее недоверие. Она не только исчезает из сознания человека и общества, она еще и сознательно отбрасывается. Возникает запрос на формирование новой исторической памяти. Но, поскольку через большой промежуток времени живой памяти быть уже не может, то новая историческая память, встающая на месте умирающей старой, неизбежно является книжной и формируется также с помощью новых произведений искусства и новых музейных экспозиций.

Что касается событий революции в России, то формирование памяти о ней началось еще в период самих революционных событий, в период Гражданской войны и после нее. На это формирование работал советский декрет «О памятниках республики» от 12 апреля 1918 г., в котором в память о революции предполагалось сооружение памятников и монументов, оформление самих памятных и мемориальных мест [Декреты, 1959, с. 95–96]. Важнейшим из последних стал с 1924 г. мавзолей В.И. Ленина. Вместе с тем четкого и абсолютно отчетливого отношения к самим революционным событиям не было. Получалось так, что в качестве революции оценивались события февраля 1917 г., в результате которых произошло свержение царского режима. Но событие, благодаря которому к власти пришли большевики и установилась советская власть, оценивалось его участниками как Октябрьский переворот 1917 г. Между тем по силе эмоционального воздействия на широкие слои населения переворот был несравненно слабее, чем революция. За понятием о революции стоит представление о великом и эпохальном событии, за переворотом

же — о какой-то возне и мелком политиканстве, и не более того. Но для правящей партии большевиков и ее руководства исключительную важность представляла идеологическая составляющая, в которой события октября 1917 г. должны были занимать несравненно большее место, чем Февральская революция. Поэтому в связи с десятилетием событий октября 1917 г., в 1927 г., их характеристика как переворота отошла в прошлое. На их место стала официальная характеристика их как Великой Октябрьской социалистической революции, на фоне которой Февральская революция отходила на второй план. Тем более, что оценка этой революции как буржуазно-демократической придавала ей такой смысловой оттенок, как революции, какой-то чуждой народу, которая привела к власти буржуазию, или «десять министров-капиталистов».

Историческая память о Великой Октябрьской социалистической революции как о главном событии всего XX в., коренным образом изменившем путь исторического развития всего мира, открывшем дорогу в светлое коммунистическое будущее, активно внедрялась в сознание. И это происходило на фоне того, что главный стратег октябрьских дней в 1929 г. был изгнан из страны, а в 1940 г. его голову нашел в Мексике ледоруб Р. Меркадора. Подвергались репрессиям старые революционеры, закрывалось Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, на место их приходили партаппаратчики, новый слой номенклатуры, сталинские выдвиженцы, зачастую знавшие о революции лишь понаслышке. Оформление сталинской версии революции произошло в 1938 г., когда вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)». Сталин подавался как продолжатель дела Ленина. Что касается Ленина, то в 1936 г. в Москве был открыт музей В.И. Ленина, внедрявшей культ Ленина как основу культа его верного ученика и продолжателя. В то же время Н.К. Крупская была отодвинута на задний план партийного пантеона и умерла почти незаметно в 1939 г. На основе положений «Краткого курса» формировалась литература, которая должна была способствовать формированию соответствующей памяти о революции в массовом сознании. Наглядным подтверждением служит учебник истории СССР для 10 класса советской средней школы, в котором давалась история XX в., в том числе история революционных событий. При изложении в нем истории взятия власти большевиками в октябре 1917 г. бросается в глаза очень краткое упоминание о Троцком, причем в резко негативном свете. Так, было сказано, что накануне октябрьского восстания вместе с Каменевым и Зиновьевым «Троцкий выдал врагу план восстания» [Базилевич и др., 1952, с. 168]. При этом всячески преувеличивается роль Сталина, который был лишь одним из пяти членов Военно-революционного центра. Ему приписывалась разработка некоего плана, согласно которому «рабочий Урал придет на помощь Петрограду, Иваново-Вознесенск поможет Москве, Белоруссия разоружит фронтовых солдат, если их пошлют против Петрограда». И, как добавлено: «В подготовке восстания» «товарищу Сталину» «помогали Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин, А.А. Андреев и другие товарищи» [Базилевич и др., 1952, с. 168]. В сознание советских старшеклассников ненавязчиво внедрялся миф: «Сталин — вождь Великого Октября». На основе его шло формирование исторической памяти о революции в

сознании целых поколений советских людей. Формировался и другой миф, в соответствии с которым роль в революции Троцкого вообще не была видна. Но между тем известно, что роль его в победе Октябрьского вооруженного восстания была исключительно велика. Еще одним ярко выраженным историческим мифом было отношение народа к разгону Учредительного собрания 5–6 января 1918 г. «Рабочие и крестьяне единодушно одобрили разгон “Учредилки”», — говорилось в учебнике. Объяснение причины такого отношения давалось таким образом, будто бы «они», то есть рабочие и крестьяне, «увидели, что Учредительное собрание хотело отдать власть капиталистам и помещикам» [Базилевич и др., 1952, с. 191]. В таком объяснении бросается в глаза не только его примитивность. Оно явно противоречило тому факту, что эсеровское большинство Учредительного собрания как раз было избрано голосами крестьян. То же самое заметно при освещении Гражданской войны, которая была частью революционных событий. Об огромной роли Троцкого в организации Красной Армии не было сказано, конечно же, ни слова. Но в числе основных событий Гражданской войны были указаны такие, как оборона красного Царицына и борьба с наступлением колчаковцев после взятия ими Перми, в которых участвовал Сталин, а также так называемый сталинский план разгрома Деникина. Сталин показывался в учебнике не только как стратег, но и как военный организатор. «Товарищ Сталин изгнал врагов из штабов, навел порядок в управлении армией, наладил формирование полков на основе инструкций Советского правительства, принял меры по оздоровлению тыла» [Базилевич и др., 1952, с. 233], — говорилось о действиях Сталина на колчаковском фронте под Пермью. И, конечно же, формированию памяти о революции способствовал использованный в учебнике визуальный ряд: известные картины с изображением Ленина, в том числе Ленин и Сталин вместе в Смольном во время октябрьских дней с картины П. Васильева [Базилевич и др., 1952, с. 233], а также несколько фотографий Сталина периода революции и Гражданской войны. Формирование памяти о революции самым тесным образом увязывалось с культом вождей, Ленина и Сталина, а также с образами врагов, и прежде всего врагов внутри партии во главе с Троцким.

Великая Отечественная война несколько изменила структуру внедрявшейся в массовое сознание официальной версии советской истории. Она заняла в ней второе место вслед за революцией. Но при этом победа в войне подавалась как событие, напрямую вытекавшее из последствий революции, и объяснялось всенародной защитой революционных завоеваний. Но постепенно в исторической памяти война и победа занимали все более значительное место.

Разоблачение сталинского культа как режима, проводившего массовые репрессии, и решения XX съезда КПСС создавали предпосылки для подрыва в исторической памяти сложившейся версии революции. Насчет дороги в светлое коммунистическое будущее было неясно, но то, что революция открыла прямой путь к массовым репрессиям, становилось, наоборот, совершенно очевидно. Но власть не могла допустить деконструкции памяти о революции, о В.И. Ленине, поскольку связь с Лениным и революцией составляла основу ее права на руководство страной.

Поэтому было сделано очень многое, чтобы разорвать связь между революцией и массовыми репрессиями. В массовое сознание была брошена идея, согласно которой Сталин «нарушал ленинские нормы партийной и государственной жизни» [КПСС в резолюциях и решениях, 1986, с. 119].

Весьма серьезный удар по революции как основе исторической памяти советского общества нанесла третья Программа КПСС с ее положением о построении к 1980 г. «материально-технической базы коммунизма» [КПСС в резолюциях и решениях, 1986, с. 128]. Утопия в этом плане стала совершенно очевидной уже ко второй половине шестидесятых годов. На этом фоне постепенно в исторической памяти общества начинал тускнеть светлый образ революции, который формировался много лет и разными средствами внедрялся в массовое историческое сознание. Становилось ясно, что для его сохранения и подкрепления нужна новая идея. Такой идеей стало празднование Победы, двадцатилетие которой в 1965 г. отмечалось с таким размахом, какого ранее в СССР еще никогда не было. На фоне двадцатилетия Победы более тускло выглядело празднование в 1967 г. пятидесятилетия Великого Октября. Кроме того, в пропагандистской части партаппарата вызревала мысль соединить в сознании широких слоев населения идеи, более понятные и близкие массам, чем совершенно неясный и нежизненный «пролетарский интернационализм». С ними предполагалось связать революцию и тем самым подкрепить в массовой исторической памяти представление о революции как о великом историческом событии в масштабах не только всего мира, но и непосредственно народов Советского Союза. При этом учитывалось, что на практике интернациональная идея внедряется слабо, несмотря на все усилия советского пропагандистского аппарата. В новой Конституции СССР 1977 г. можно было сколько угодно заявлять о формировании некой «новой исторической общности советских людей – советского народа» [Конституция, 1977, с. 7], но практика повседневных отношений – в быту, на производстве, в Советской Армии – показывала нечто совсем другое. И в этом отношении был очень показателен выход в свет книги историка Н. Яковлева «1 августа 1914», в которой эта идея нашла свое концентрированное и научнообразное выражение. Яковлев проводил мысль, что в государственные структуры Российской империи проникло немало лиц, связанных с масонскими ложами и с другими антирусскими антинациональными силами, которые и привели будто бы государство к катастрофе в период Первой мировой войны [Яковлев, 2000, с. 15, 260, 334, 337]. По существу, марксистская и совершенно правильная идея поиска причин революции в общем состоянии страны и в наличии в ней ко времени революции системного кризиса была подменена концепцией действий против народа и государства темных сил, «мировой плутократии». Такое направление исторического анализа, бесплодное совершенно в научном отношении, тем не менее вполне соответствовало поднимавшим голову националистическим настроениям в разных слоях общества. Конечно же, Яковлев нашел место в этих событиях и для Октябрьской революции. По его утверждению, только эта революция и приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным спасли страну от катастрофы и обеспечили ее дальнейший подъем [Яковлев, 2000, с. 323].

Конечно, как историк, вписанный в советский истеблишмент, Яковлев не мог сказать ничего негативного о революции, Ленине, первом советском правительстве. Тем не менее, дальнейшее направление мысли он вполне задал. Националистические настроения в массовом сознании ограничиться выводом Яковлева не могли. Они предполагали дальнейший «поиск». Он и приводил их к «подсчетам» национального состава ленинского Совнаркома (слишком много нерусских!), к обвинениям уже не только темных сил в дореволюционном прошлом России, но и самой партии большевиков. Во всяком случае, когда в период уже перестройки в Ростовской области развернулось движение за возрождение казачества, в областной печати стала активно проводиться мысль, согласно которой в руководстве партии и революции имели место две силы. Одна из них, во главе с Лениным, отстаивала интересы России и ее народа. Другая, антинациональная, антинародная, во главе с Троцким и Свердловым, проводила подрывную работу и расказачивание, стремилась установить свою власть над Россией [Комкор Думенко, 1988; Лосев, 1988]. И только поражение Троцкого и победа продолжателей дела Ленина во главе со Сталиным предотвратило угрозу новой катастрофы, помогло вписать казачество в реалии новой советской жизни, создала предпосылки для его возрождения в конце XX в. Частью местного общества такая идея вполне воспринималась.

Попытка оживить память о революции и соединить ее с новой идеей перестройки общественной и государственной жизни в СССР была предпринята генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в докладе «Октябрь и перестройка. Революция продолжается», с которым он выступал 2 ноября 1987 г. по случаю 70-летия Октябрьской революции 1917 г. в России. Как заявил М.С. Горбачев, революция «стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов человечества — от великих гуманистов прошлого до пролетарских революционеров XIX и XX веков» [Горбачев, 1987, с. 5]. Однако эти слова в условиях нараставшего системного кризиса в СССР уже не могли вызвать к жизни светлый образ революции, который был в сознании значительной части советских людей первых десятилетий после нее. И, тем более, они не могли придать новому повороту партийной политики ореол прорыва в светлое будущее, такой, который имела в свое время сама революция. Если большевики, которые дали крестьянам землю по Декрету о земле, пользовались в целом доверием значительной части народа, то КПСС к семидесятилетию революции уже утратила общественное доверие. Что же касается самой революции, то память о ней становилась все более туманной и нечеткой, поскольку книжная память, внедряемая в сознание советской литературой и советскими учебными программами, также не вызывала доверия на фоне общего кризиса доверия к партии и ее политике, являвшегося частью системного кризиса. Носителей же живой исторической памяти о революционных событиях осталось уже к тому времени очень немного.

Демократические перемены начала девяностых годов, крах коммунистического режима и распад СССР задавали предпосылки для переосмысления революции

в науке и в массовом сознании. Мысль о спасительной для России роли революции была отброшена. Укреплявшаяся в России власть в конце прошлого века и в нынешнее столетие внедряет в него иную оценку событий столетней давности. Прежде всего, обращается внимание на то, что революционные события 1917–1920 гг. сопровождались самыми кровавыми последствиями. Не исключалось при этом также указание на противоречия внутри самой Российской империи накануне революции в качестве ее причин, но звучат они приглушенно. Настойчиво внедряется мысль, что следование путем реформ, по которому стремился вести страну П.А. Столыпин, смогло бы предотвратить революцию. Как подчеркивается, революционеры будто бы понимали, что «судьбы демократической революции в России находились в прямой зависимости от успеха или неуспеха столыпинской реформы» [П.А. Столыпин, 2011, с. 100; Сидоровнин, 2002, с. 571], и поэтому в революции в определенной степени был элемент случайности, поскольку убийство Столыпина – это несомненная историческая случайность. Однако именно она не позволила якобы успешно провести его планы преобразований в стране. Но главная мысль, которая внедряется в массовое сознание, состоит в том, что всякая революция, во-первых, представляет собой национальную трагедию, а во-вторых, вызвана зарубежными происками. Внедряется, надо сказать, весьма успешно. В современной России поэтому достаточно мирно сосуществуют ныне ужасающее социальное расслоение, бедность и нищета значительной части населения и мысль о недопустимости новой революции.

Этому в значительной мере способствует то, что в исторической памяти широких слоев населения за постсоветский период заметно стирание того, что связано с революцией. В ней об этом событии сохранились лишь какие-то обрывки. Отчасти это объясняется тем, что по причине возраста ушли представители поколений, помнивших эти события. В основном известно, что был царь, и его не стало, появилось какое-то непонятное Временное правительство, а затем какие-то красные и белые, которые воевали непонятно ради чего. Вожди революции предстают в несколько анекдотическом виде. Значительно больше, чем вопрос о причинах революции и победы большевиков, занимает вопрос о треугольнике Ленин–Крупская–И. Арманд. Интерес к Ленину в большей степени связан с мавзолеем и с вопросом о его захоронении. Но если в 1990-х гг. этот вопрос очень волновал общественность, то сейчас интерес и к нему явно пропадает. О самом Ленине не знают и не стремятся знать почти ничего, несмотря на то, что стоит множество монументов. Такое место исторической памяти нередко характеризуется как умирающее, на фоне значительно более сильного места исторической памяти, которым является Великая Отечественная война, а образ Сталина в массовом сознании несравненно сильнее, чем образ в нем Ленина. Сила образа Сталина в массовом сознании – одно из ярких подтверждений общего культурного феномена популярности диктаторов и тиранов.

Создается впечатление, что ни государство, ни общество особо не стремятся вспоминать о революционных событиях столетней давности – примерно в той же

степени, как в 2011 г. не было особого желания отмечать сто пятидесятилетие отмены крепостного права в России. Такое нежелание не случайно. Революция явно не вписывается в представление о «народном единстве», которое активно навязывается обществу и в связи с которым даже был введен государственный праздник, который приходится на 4 ноября. На самом же деле народного единства не было как в 1612 г., когда польский гарнизон покинул Кремль в Москве под натиском Ополчения К. Минина и князя Д.М. Пожарского, ни в настоящее время. И его не может быть по причине колоссального социального расслоения и культурных различий в нашем обществе.

В массовой же исторической памяти эти события вообще постепенно стираются. Только научное историческое сообщество, некоторые общественные организации стремятся отдать должное этому большому юбилею. Тем не менее, эти события и в самом деле были очень значимыми с исторической точки зрения. Поэтому вспомнить о революции необходимо. Она заслуживает нашей памяти. Также это нужно постольку, поскольку в событиях революции содержатся уроки для последующих поколений, главный из которых в том, что власть, а не кто-то иной, не какие-то «иностранцы агенты», провоцирует своей неумелой или корыстной политикой эксцессы в обществе на политической почве и революционные взрывы. Другой урок состоит в том, что те завоевания революции, которые носят позитивный характер и несут в общество начала свободы, необходимо отстаивать и не допускать скатывания к режиму неограниченной и несменяемой власти в какой бы то ни было форме, к замене демократических институтов и процедур их имитацией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. Изд. 11-е. М.: Учпедгиз, 1952. 424 с.

Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Политиздат, 1987. 60 с.

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. 698 с.

Комкор Думенко. Беседа журналиста Г. Губанова с писателем В. Карпенко // *Молот*. 1988. № 180. 6 августа.

Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М.: Политиздат, 1977. 525 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1956–1960). М.: Политиздат, 1986. Т. 9. 574 с.

Лосев Е. Командарм 2-й Конной армии Филипп Кузьмич Миронов: Девиз моей жизни – правда! // *Молот*. 1988. № 169. 24 июля.

Мазур Л.Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации // *История, память, идентичность: Теоретические основы и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции 3–4 октября 2016 г.* М.: Аквилон, 2016. С. 251–255.

Мининкова Л.В. «И, бабушка, затеяла пустое!» Живая историческая память и формирование книжной памяти о прошлом позднего русского средневековья // *Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы международной научной конференции.* Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 16–18.

Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // *Франция–память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Нора П. Предисловие к русскому изданию // *Франция–память.* СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 5–14.

П.А. Столыпин: государственный и патриот. М.: Пашков дом, 2011. 128 с.

Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.

Сидоровнин Г.П. П.А. Столыпин. Жизнь за отечество. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 639 с.

Яковлев А.Н. 1 августа 1914. М.: Алгоритм, 2000. 350 с.

REFERENCES

Bazilevich K.V., Bahrushin S.V., Pankratova A.M., Foht A.V. *Istoria SSSR* [History of the USSR]. Uchebnik dlia 10 klassa srednri skoly, Izd. 11. М.: Uchpedgiz, 1952. 424 p. (in Russian).

Gorbachev M.S. *Oktiabr i perestroika: revolutia prodolshaetsia* [October and perestroika: The revoluton continues]. М.: Politizdat, 1987. 60 p. (in Russian).

Dekrety Sovetskoj vlasti [Decrees of the Soviet power]. М.: Gospolizdat, 1959. Т. 2. 698 p. (in Russian).

Komkor Dymenko. Beseda shurnalista G. Gubanova s pisatelem W. Larpenko [The corps commander Dumenko. Conversation of the journal G. Gubanov with the writer V. Karpenko], in *Molot*. 1988. № 8. 6 avgusta (in Russian).

Konstitucija (osnovnoj zakon) Sojuza Sovetskih Socialisticheskikh Respublik [Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics]. Prinjata na wneocherednoj sedmoj sessii Werhownogo Soweta SSSR dewjatogo sozywa 7 oktjabrja 1977 goda. М.: Politizdat, 1977. 525 p. (in Russian).

KPSS w rezolucijah i reshenijah sjezdow, konferencij i plenumow CK (1956–1960) [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1956–1960)]. М.: Politizdat, 1986. Т. 9. 574 p. (in Russian).

Losev E. Komandarm 2-j Konnoj armii Filipp Kuzmich Mironov: Deviz moej zhizni – pravda! [Commander of the 2nd Cavalry army Philip Kuzmich Mironov: the Motto of my life is truth!], in *Molot*. 1988. № 169. 24 iulja (in Russian).

Mazur L.N. Sobytie v istoricheskoi pamyati: mekhanizmy formirovaniya, sokhraneniya i transformatsii [An event in historical memory: mechanisms of formation, preservation and transformation], in *Istoriya, pamyat', identichnost': Teoreticheskie osnovy i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 3–4 oktyabrya 2016 g.* M.: Akvilon, 2016. Pp. 251–255 (in Russian).

Mininkova L.V. "I, babushka, zateyala pustoe!" Zhivaya istoricheskaya pamyat' i formirovanie knizhnoi pamyati o proshlom pozdnego russkogo srednevekov'ya ["And, grandmother, she started an empty one!" Living historical memory and the formation of book memory of the past of the late Russian Middle Ages], in *Istoricheskaya pamyat' i kul'turnye simvoly natsional'noi identichnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Stavropol'; Pyatigorsk: Izd-vo PGU, 2017. Pp. 16–18 (in Russian).

Nora P. Problematika mest pamjati [The problems of places of memory], in *Francija–Pamjat'*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. Pp. 17–50 (in Russian).

Nora P. Predislovie k russkomu izdaniyu [Preface to the Russian edition], in *Frantsiya–pamyat'*. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. Pp. 5–14 (in Russian).

P.A. Stolypin: gosudarstwennik i patriot [P.A. Stolypin: statesman and patriot]. M.: Pashkov dom 2011. 128 p. (in Russian).

Rikoer P. *Pamjat', istorija, zabwenie* [Memory, history, oblivion]. M.: Izd-wo gumanitarnej literatury, 2004. 728 p. (in Russian).

Sidorovnin G.P. *P.A. Stolypin. Zhyzn' za otechestvo*. [P.A. Stolypin. Life for the Fatherland]. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2002. 639 p. (in Russian).

Jakovlew N.N. *1 avgusta 1914* [August 1, 1914]. M.: Algoritm, 2000. 350 p. (in Russian).